

Вахтанговская студия

(К пятилетию юбилею)

П. Марков

Пятилетний юбилей Вахтанговской Студии на половину номинален. Ее история началась задолго до того, как на большой сцене Арбатского театра пришла в полномочную и повелительную редакцию вахтанговский постановщик «Чудо св. Антония» (ноябрь 1924 г.). За пределами этих коротких пяти лет ждали лабораторная работа в маленьких помещениях Мансуровской Студии. Юбилей возвращает к памяти о первых шагах Студии, о знаменательной эпохе студийности, когда зарождалась Студия. Но прежде и больше всего к памяти о Вахтангове.

Давно забытый студенческий спектакль «Усадьба Ланских» в Охотничьем Клубе положила начало Студии. Он был счастлив и не очень удачен — этот подполубитый спектакль, но он и вывел из своей среды актеров, которые поверили Вахтангову и пошли работать с ним. Студия обратилась в сценарную школу-лабораторию.

То была эпоха студийности. Станиславский и Суворьинский уже укладывались от дикой дороги театра для того, чтобы проверить свои достижения в замкнутой спокойствии лабораторий и окончательно убедиться в единственном верном зрелище системы, которую создавал Станиславский. Неудовлетворенные зависимостью от би- стрых постановок, они искали долгой и подробной работы над захватывающим единого в точного актерского мастерства. За ними шел Вахтангов. Первые шальные годы Студия отдала упорному изучению системы Станиславского. В шальных отрывках преобладали Чехов в Мопс- сая — началось, что в маленьких набросках повзрослевшего находилось ключ и понимание человека. Ясные и простые чувства нес- лись со сцены.

В Вахтангова верили. Не верить в него было невозможно. Для ученика он был не только ре- жиссером сцены, но и учителем жизни.

Пройти вместе с ним через изменения его художественных методов означало пройти

через изменения его жизненного миро- ощущения.

Вахтангов не более и более интере- совался проникнуть в подвздошное сторо- нам человеческого духа; актеры разбу- дили скрытые и стихийные творческие струи, довели и удержали рожденные в них героические и дикие чувства. Он бро- сил все силы на постигание актеров и, не находя полного выхода своему педаго- гическому постоуру в стенах Студии МААТ, он уходил в свою маленькую Студию, а позднее, в неустанном поиске но- вых и новых материалов, в Еврейскую студию ГАБМА. Как учитель, он был жесток, историчен и бесценен. Он самое преподавание обращал в своего рода ис- кусство и любил блистать мастерством, создавая роль актеру, лезя на него посылу- ный и необходимый творческий образ, парил на него острую чешую лисичей формы. Режиссер часто бывал для него спектаклем, в которых он играл главную роль. Он пользовался всем личным обя- занностям и знанием мастерства для того, чтобы убедить актера и вывести его за собой. Он чувствовал себя поэтом и пугался в по- следних годах. Потом этих последовате- лей стало много — тех пор, как успех сопровождал спектакли «Чудо», «Турандот» и «Га- дибук».

художественного выражения тех внут- ренних изменений, которые внесла револю- ция на внутреннюю жизнь человека. Она истинно влекла его к тому, чтобы найти острые и мощные фор- мы, которыми бы не отравило передала разбухшие револю- цией смутные и му- чительные правды ощущения. Его ро- дство с революцией было не простым ро- дством идеологии, но родством художест- венной завершенности. Он чувствовал пра- вду и пафос револю- ции. В 1920 году он мечтал обратиться свою Студию в театр для народа: маленькое помещение у Кав- казского моста вместе с его спектаклем чехов- ских открыток, неиз- бегного «Потоп», и первой редакции ме- терлиновского «Чуда».

Вахтангов естественно и закономерно перешел от застенчивых тонов и яской лирики к игре преувеличенных сценар- ных образов и острых внутренних трак- товок. Не избегнув первоначального впе- чатления, он постигнул испытывать в своем творчестве достижения современного теат- ра. Подчиняя их себе, он одним изложил внутреннее оправдание и достаточно отбрасывал то, что казалось ему пустым экспериментом. Актеры он легко и ма- стерски подходил уже и внутреннему об- нажению человека, одновременно ставя задачу прежеланной актерской впечат- лительности, четкости речи и злой харак- теристик образа. Как художник, он стано- вился все увереннее, беспощаднее и смелее: на театре он становился разоблачителем жизни, вера в ее пафос и уничтожая ее мешающую. Привычный подвешив Чехова «Свадьбу», заграничный бесценным про- нципальным театрами, он прочел по- ному, и неожиданно среди подвешива- логности, шуток и острот рассказав тра- гическую историю об уничтожительной

мешающей жизни, и о тревоге, которой дышала наша эпоха.

В те годы (20—21) еще не определились новые линии театра, театр находился в бурных поисках, победы сменялись пора- жениями — Вахтангов услышал тревогу, как основную музыкальную ноту жизни. Он мечтал с эпохой и театр находился в ис- творения своей эпохи. Если бы он дошел до наших дней, он нашел бы для них не- ожиданные приемы. Тогда же «Чудо св. Антония» — замечательнейшее и еще до конца не оцененное создание Вахтангова — указало Студии ее будущие дороги. «Тем», который Вахтангов консули в «Свадьбу», приобрела монументальные черты совре- менной химеричности. Сатирическое разо- блачение наследников умершей старухи Орфанс противопоставилось строгой фигуре странника Антония. Повесть о св. Антони- ие воспринимал средневековые легенды в нашей современности. Жизнь интересовала Вахтангова в ее вылетах и падениях, через нее он смотрел на эпоху и через нее он принял революцию.

Вместе с ним Студия подошла к пободо- вному и логичному спектаклю «Турандот», в котором жаждал пропугать победу над жизнью. Он был лез и общедосту- пнее, чем суровый нест «Антония». На- вивная и смешная сказка о «Принцессе Турандот» и влюб- лением в нее принца Калафе послужила предлогом для све- щического рассказа о том, как Вахтан- гов перешел к ис- кому к твердому утверждению жи- зни. Одновременно она означала по- вышенную требова- тельность к мастер- ству — требователь- ность трудной и от- ветственной атаки, которая не допуска- ла любительства и дилеттанства, ко- торую оскорбляли и любительство и дилетантизм. Одновременно она означала мастерское преодоление тех ключевых форм,



«Лев Гурыч Синичкин»

которые принес театр революции, и под- чинение их единой теме спектакля.

Записки о современном мироощущении привела Студия вплотную к те- ме современности.

«Вириния. Сефул- диния заставила Студию провести реаль- ные образы совре- менной торевки через учение Вахтангова о мастерстве актера».

«Студия, покидая время своего учени- чества и отмечая пя- тилетие своего почти самостоятельного бу- дущего, работат на разрыве над разрыве- ными — сохранения и развития вахтангов- ской традиции и ее применения к сегод- няшнему миру. Это, чтобы сценаристы, рассказав, как и чем живет, подлут- чей, плачет и смеет- ся современный человек».



«Лев Гурыч Синичкин»

«Турандот» — последняя работа Вахтан- гога. На заключительных репетициях «Ту- рандот» Вахтангов был уже бивающим болон. Через полгода после юбилейной даты, которую сейчас вспоминает Студия, — Вахтангов умер. Студия осталась без ру- ководителя, для нее начались трудные и смутные поиски нового пути. Он до сих пор до конца не определен. Но Студия верно почувствовала сценические веро- вания своего учителя, когда мечтала о том, чтобы в ее стенах сохранились такие род- ственные и одновременно такие проти- воположные — Станиславский и Мейерхольд, но обаянием которых он работал после- дние годы.

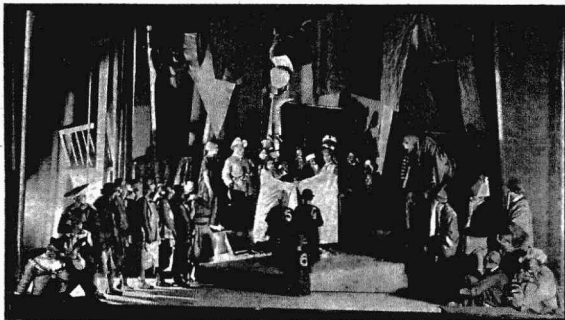
В богатом вахтанговском наследстве Студия разрабатывает и разрабатывает отдель- ные указания, не привели их еще к ме- ланхолическому единству. Верная принцип «про- цессуального театра», логично и во- душной игре в театре китайской притес- сая — она порой пытается быть шаловливой в устойчивых рамках благоговения и поль- зуется комедиями Меримо в качестве пред- лог для шуток, собственных театру. Она удачно приближает к современ- ности старинный подвешив Лесного «Си- ничкина». Когда-то искавшая у Вахтан- гога тем «романтического театра, его мечта о совершенном театре фантастиче- ского реализма» — вернула на ее спину давно не играную мелодию Юго о стра- даниях и любви Марион де-Торж.



«Юйюпка квартира» (Херувим — Горюнов, Милославский — Попов)



Е. В. Вахтангов



«Турандот»

Вахтангову во многом помогла револю- ция. Она толкнула его к строгой задаче



«Чудо св. Антония»



«Марион де-Торж» (Соверши — Руза, Дидль — Шехматов)